

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
Настя Орловой:

На моих условиях
Выбираю тебя
Посмотри в мои глаза
Твой личный враг
Ничего личного
Вне игры

В соавторстве с *Катей Саммер:*

На грани фолла

Настя Орлова

Вне игры

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Иллюстрация на переплете *Ксении Холь*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Орлова, Настя.

О-66 Вне игры : роман / Настя Орлова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202194-7

Рита Воскресенская пережила жестокий абьюз со стороны бывшего парня и больше не верит в любовь. Больные отношения оставили раны не только в ее душе, но и на теле. Девушка закрылась в себе и отстранилась ото всех, чтобы больше никогда не испытывать боль и не влюбляться. Какое-то время ей удается следовать плану, пока однажды отец не решает выдать ее замуж...

Никита Любимов играет в хоккей и наслаждается холостяцкой жизнью. Чтобы спасти девушку от договорного брака с протеей ее отца, Никита предлагает Рите фиктивные отношения. У героев есть три недели, чтобы все поверили в их чувства, но появление бывшего парня Риты ставит эти планы под угрозу.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлова Н., текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-202194-7

*Люди недооценивают силу любви.
Порой только ради нее мы оказываемся
способны переступить через свои страхи.*

Пролог

— Здравствуй, Рита. — Лидия, мой психолог, опускается в кожаное кресло и поправляет на переносице очки в модной роговой оправе.

— Здравствуйте. — Прямо встречая ее взгляд, я сажусь на диван напротив.

Лидии около сорока. Она красивая, успешная и очень популярная. В нашем городе — почти звезда, потому что как эксперт регулярно участвует в телешоу на федеральном канале. Мне сложно судить о ее профессиональных навыках, потому что сама я никогда не хотела общаться с психологом и эффекта от наших встреч не вижу. Но мой отец считает, что походы к ней идут мне на пользу.

— Как твои дела?

— Все хорошо, — неопределенно пожимаю плечами, глядя на часы за ее спиной. Двенадцать ноль одна. Еще пятьдесят девять минут, и я смогу встать и уйти.

Лидия кивает. Посылает мне ободряющую улыбку, на которую я не отвечаю. Ждет продолжения, но я молчу. Это привычный ход наших сессий — за полтора года почти ничего не изменилось, разве что

в кабинете стало больше зелени, а у меня зарубцевались шрамы.

— В прошлый раз мы обсуждали с тобой лето. У тебя появились планы на каникулы? — сделав вид, что не заметила моего молчаливого протеста, продолжает Лидия.

— До лета мне надо сдать сессию, — отвечаю уклончиво, чтобы не говорить о том, что планов у меня нет. Я давно их не строю, и мой психолог должна об этом знать не хуже меня. — Еще два экзамена.

Лидия делает какую-то пометку в блокноте. Снова поднимает на меня глаза. Снова улыбается.

Раздражает. Я никогда не была ярой фанаткой наших сессий, но сегодня меня бесит буквально все. Чему, черт возьми, она улыбается?

— Как твой сон?

— Кошмары мне не снятся, если вы об этом. Последний был более двух месяцев назад.

— Как ты думаешь, почему они тебе больше не снятся?

— Наверное, это благотворное влияние наших с вами встреч, — говорю, не скрывая иронии. Может быть, хоть она поможет стереть эту раздражающую улыбку с ее лица. — И время.

— Значит, ты согласна с мнением, что время лечит?

— Отец так говорит.

— Ты с ним согласна? — напирает Лидия.

— Отец часто бывает прав, — отвечаю с нервным смешком.

— Я спрашиваю про тебя, а не про твоего отца, — замечает она, улавливая мимолетную пере-

мену в моем настроении. — Это твои чувства. Твои страхи. Твоя жизнь, в конце концов.

— Лидия, при всем уважении, мы обе знаем, что я здесь только потому, что этого хочет отец. — Я делаю глубокий вдох. — Мне наши встречи не нужны. Я в порядке. Меня в моей жизни все устраивает.

Ее моя грубость ничуть не смущает. Она делает еще одну пометку в блокноте, поправляет очки.

— Что ты чувствуешь сейчас, Рита?

— Раздражение.

— Хорошо.

— Это хорошо? — оказываюсь не в силах сдерживать саркастический вопрос.

— Да, потому что раздражение — это путь к исцелению. Любые проявления эмоций в твоем случае — это хорошо. Ты так долго закрывалась в своей раковине, отказывая себе в возможности снова чувствовать, что даже такая малость, как раздражение, — это уже победа, — объясняет Лидия.

— Мне это не кажется победой.

— А что для тебя победа?

— Мы сейчас говорим про какой-то определенный контекст? — уточняю я, неожиданно для самой себя попадаясь на ее удочку.

— Разумеется. Что ты для себя воспринимаешь как победу?

— Я буду считать, что победила, когда отец согласится, что мне больше нет нужды посещать психолога, — бросаю небрежно.

— Ты опять говоришь о своих чувствах в связке с отцом, — замечает Лидия, внезапно нахмурившись. — Как будто бы твоя жизнь всецело зави-

сит от него. Скажу так: его решение не может быть твоей победой. У тебя должна быть цель — личная цель, чтобы посещать психолога.

— Я не хотела вас посещать.

— Но ты хотела пережить свою травму. Ты сама говорила это на одной из наших первых встреч. Я лишь инструмент, которым ты могла пользоваться, чтобы достичь своей цели. — Лидия откладывает блокнот, наклоняется вперед и добавляет, понизив голос: — Но, к моему сожалению, со временем ты отступила. И вместо того чтобы пережить и отпустить боль, решила закрыть на нее глаза, затолкав глубоко внутрь себя. Это тоже вариант справляться с травмой, но откровенно плохой. Боль тикает внутри тебя, как бомба. Рано или поздно рванет.

Чтобы избежать проницательного взгляда Лидии, я опускаю голову и с особой тщательностью изучаю бежевое покрытие на ногтях. На самом деле у меня есть много такого, что я могла бы сказать, чтобы поставить ее на место. Чтобы она перестала снисходительно смотреть на меня со своей недостижимой колокольни. Но я упрямо молчу, потому что не вижу в этом никакого смысла. Некоторые слова не должны быть сказаны. Некоторые тайны не должны быть раскрыты. А она... она ни черта обо мне не знает!

— Говорят, что непрожитая травма — это заблокированная злость. Это деструктивная эмоция, — не сдается Лидия, пытаюсь в очередной раз сломить мое сопротивление.

— Я не чувствую злости, — возражаю тихо. — Я приняла все, что со мной произошло.

— Если бы это было так, разве ты не вернулась бы к привычной жизни?

— А что есть привычная жизнь? — отвечаю вопросом на вопрос. — Кто устанавливает правила, что есть привычно, а что нет? Мне едва исполнилось восемнадцать, когда я познакомилась с Владом, в девятнадцать я смогла от него уйти. Сейчас мне двадцать один. Меня давно не интересуют те вещи, которые я делала до восемнадцати. Так что же вы относите к моей «привычной» жизни? Может быть, сейчас я живу именно так, как всегда хотела. И ничто другое меня не интересует.

— А что тебя интересует?

— У меня есть папа, есть лучшая подруга. Я учусь в хорошем университете. У меня есть работа, которая доставляет мне радость и удовлетворение. Это все, что мне нужно.

— А как же развлечения?

— Я много читаю.

— Тебе нужно вновь ощутить комфорт, находясь в кругу людей.

— О, я знаю, что это вашими устами говорит мой отец. Слово в слово, — бросаю колко. И после этого Лидия еще хочет, чтобы я ей доверяла? Предательница. — Но у меня с этим нет проблем, я просто не люблю толпу. Комфортнее всего мне в одиночестве.

— Но ведь так было не всегда, правда?

— Люди меняются. — Я демонстративно пожимаю плечами. — К тому же в субботу у папы юбилей, и я занимаюсь организацией банкета на сто человек. Непохоже, чтобы я боялась людей, правда?

— И вот мы с тобой снова в исходной точке. — Уголки губ Лидии слегка приподнимаются, словно она хочет победно улыбнуться собственной гениальности, но профессиональная этика ей не позволяет. — Юбилей отца — это не твоё развлечение. Ты делаешь это не для себя, а для него.

— Допустим, — соглашаюсь я. — Но тогда вам будет приятно узнать, что сегодня я иду на вечеринку.

— Что за вечеринка? — брови Лидии ползут вверх.

— Просто вечеринка. В честь победы нашей хоккейной команды в молодежном чемпионате. Подруга очень хочет пойти.

— А ты?

— А я просто иду, — бросаю раздраженно.

— Ты идешь, потому что этого хочет твоя подруга?

— Я не понимаю, к чему вы клоните, Лидия, — отвечаю резко, выдержав паузу. — Дружья часто составляют друг другу компанию.

— Хорошо. — Она кивает. — Значит, ты идешь на вечеринку. Что ты чувствуешь? Ты ведь долгое время не ходила никуда, кроме университета и центра. Ты радуешься? Ты боишься?

— Не думаю, что боюсь или радуюсь — это подходящие определения. Наверное, я просто чувствую, что должна пойти. — Я пожимаю плечами и перевожу взгляд на часы.

— То есть ты не хочешь идти.

— Я этого не сказала. Я сказала, что приняла решение пойти. Но у меня нет каких-то особых эмоций по этому поводу.

— Как отреагировал отец на твое желание пойти на вечеринку?

— Я не ставила его в известность. Пока. Но я знаю, что он хочет, чтобы я больше общалась со сверстниками, — напоминаю я. — И одновременно не хочет, чтобы со мной произошло что-то плохое.

— Это объяснимо. Твой отец, как и любой другой человек, борется со своими собственными демонами.

— Отец винит себя в том, что со мной случилось, — даю более конкретную оценку тому, что происходит с папой.

— Ты с ним не согласна?

— Не согласна, — говорю уверенно. Если уж Лидия обсуждает с отцом наши сессии, пусть и эту мысль до него донесет. Хоть какой-то прок от нее должен быть, правда? — Я читала много книг и статей на тему насилия. Психологи считают, что тираны интуитивно ищут жертв, которые в прошлом уже пережили абьюз в той или иной форме. Будто бы детский травматический опыт жертв помогает абьюзеру умело ими манипулировать. Но у меня ничего такого не было. Родители меня любили. В школе у меня было много друзей. Я была счастливым и самодостаточным ребенком. Я не была легкой добычей для психов, у меня не было никакой предрасположенности к насилию, просто я влюбилась в очень плохого человека. А когда поняла это — ловушка захлопнулась и я уже не могла соскочить.

На несколько минут в кабинете воцаряется звенящая тишина. Будто бы не только Лидия, но и я сама поражена тем, как много сокровенного невольно рассказала.

— Что ты чувствуешь, когда говоришь об этом сейчас?

— Ничего, — отрезаю я. Потом тяжело вздыхаю: — Ладно. Может быть, я злюсь на себя и до конца не понимаю, как могла допустить все то, что этот человек со мной сделал.

— Возможно, в тот период твоей жизни ты была эмоционально нестабильна. И он этим воспользовался, — предполагает Лидия.

— И снова я не понимаю, к чему вы клоните.

— Возможно, отношениями с Владом ты заглушала боль от смерти твоей мамы? — поясняет психолог.

Я пожимаю плечами.

— Мама долго болела. Мы знали, что рано или поздно она уйдет. — Я беру паузу, вспоминая тот день, когда вернулась из школы и застала обычно занятого и отсутствующего папу дома. Он тогда посадил меня на диван, взял мои руки в свои ладони и сказал, что мамы больше нет. — Когда я познакомилась с Владом, отец навел о нем справки и запретил мне с ним встречаться. А я... Может быть, я просто очень сильно хотела доказать отцу, что уже взрослая, чтобы принимать самостоятельные решения.

— Хочешь сказать, что ты терпела насилие из протеста? — прощупывает Лидия почву для новых откровений. — Не хотела признавать, что отец был прав?

— Я хочу сказать... — я хватаю ртом воздух, чувствуя, что в этом разговоре мы коснулись чего-то очень личного и болезненного, — хочу сказать, что наше время вышло. Мне пора.

Глава 1

Рита

— Лиз, я отойду на минуту. — В попытке перекричать громкие басы, летящие из колонок, я наклоняюсь к самому уху моей лучшей подруги Елизаветы Грачевой.

Лиза рассеянно кивает, но на меня даже не смотрит. Все ее внимание приковано к капитану хоккейной команды «Комета» Илье Свечникову, который вальяжно развалился на диване с бутылкой пива в руках.

— ...И потом на последней минуте периода шайба рикошетит от ноги голкипера и залетает в пустые ворота. Бум! — Илья делает красноречивый победный жест, и все вокруг, включая Лизу, начинают дружно аплодировать. Я же едва сдерживаюсь, чтобы демонстративно не закатить глаза.

Не спору, парень молодец: за год он почти единолично вытянул прозябающую во втором эшелоне городскую команду в элиту молодежного спорта страны, но от потока самолюбования, который Свечников льет на всех вокруг, меня уже подташнивает.

Поднявшись с места, с трудом протискиваюсь к выходу сквозь плотную толпу, выстроившуюся вокруг хоккеистов-триумфаторов.